

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Всяля віе

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не всяля віе

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Дневник мамы первоклассника

Падшая женщина

Домик на юге

Осторожно - дети! Инструкция по применению

Собирайся, мы уезжаем

Соня и Александра

Плюс один стул

Чужой ребенок

Счастливая семья

Терпкий вкус тутовника

Руками не трогать

Истории моей мамы

Наша девочка

МАША
ТРАУБ
НАША ДЕВОЧКА

Москва
2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии *С. Груздева*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Марины Дорошенко*

Трауб, Маша.

Т65 Наша девочка / Маша Трауб. — Москва : Издательство
«Э», 2015. — 320 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-84544-6

Самые большие радости и горести случаются в детстве. Самая несчастная любовь переживается в отрочестве. Только тогда происходит все самое-самое — если дружба, то на всю жизнь, если расставание, то навеки. Эта история о самом важном в жизни — о детстве.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84544-6

© Трауб М., 2015
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2015

— Стой здесь, никуда не уходи, — сказала мне тетя Зина и побежала к зданию вокзала.

Я покрутила головой: — крошечный перрон, цветы на клумбе и дети, мои ровесники, которые пронеслись вниз, к рельсам.

Выждав еще две минуты, я пошла за ними.

— Ты кто такая? — спросил меня строго один из мальчиков.

— Я только приехала. А что вы делаете?

— Иди отсюда, — сказал он, что-то сосредоточенно выкладывая на рельсы.

— Пусть останется, — вступилась за меня девочка, — ты же никому не расскажешь?

— Не расскажу.

— Сейчас поезд поедет, — объяснила девочка, — и взрывы будут, как салют. Это пистоны.

Мальчик оставил на рельсах несколько лент с черными точками, и вся компания кинулась врассыпную. Я осталась на месте. Через минуту с гудением, от которого закладывало уши, прошел состав. Всего один вагон. И тут же раздался грохот.

— Я вот прямо сейчас выйду! И такое будет! Даже не знаю, что я сделаю! Вот в руках себя совсем не держу! Я вам головы оторву! Нет! Я вам другое место ото-

Маша Трауб

рву! Нет! Я вам ничего отрывать не буду! Пусть вам будет стыдно! — кричал из окна машинист, высунувшись по пояс. — А ты что стоишь? Совсем стыда нет? Ты девочка или преступник? Что твой отец скажет? Скажет, что у него дочь — преступник? Почему ты стоишь? Вот иди сюда, я с тобой поговорю! Нет! Это я к тебе сейчас выйду! Назад поеду и выйду! Ты думаешь, у меня других дел нет? У меня столько дел! Но я себе еще одно дело сделаю — поговорю с твоим отцом! Нет, я с твоей матерью поговорю! Как она тебя воспитывает? Где ее глаза, что ее дочь так себя ведет!

Поезд, пышущий жаром, медленно удалялся. Машинист продолжал что-то кричать. Я так и застыла на месте. Мой белый сарафан покрылся ровным слоем сажи и пыли.

— Ну как, здорово? Слышала салют? — выскочила из кустов девочка.

— Это не салют. Салют в небе, — ответила я, — это просто хлопки.

— Где ты в небе хлопки видела? Врешь! — подошел мальчик.

— Не вру. Салют — это как в калейдоскопе, много разных огней. Они как шар в небе и рассыпаются дождем.

— Ух ты! — восхитилась девочка.

— Пойдем отсюда, — сказал ей мальчик.

— У тебя сарафан испачкался, — с тревогой сказала мне девочка. — Ругать будут.

— Не будут, — ответила я и пошла назад, на перрон. Мальчик с девочкой перепрыгнули через рельсы и скрылись в кустах.

Наша девочка

В этот момент вернулась тетя Зина и даже не заметила моего грязного сарафана.

— Придется пешком. По рельсам, говорят, ближе. Дорогу я узнала. За что мне наказание такое? Вот захочешь сделать доброе дело, так никакой благодарности не жди. Одни мучения.

Тетка была недовольна. От жары она вся взмокла, пот струился по лицу. Мне было противно. Хорошо, что она не брала меня за руку. У тети Зины были страшные руки — красные, отекавшие, с пальцами-сардельками, перетянутыми золотыми кольцами.

Я всегда сначала смотрела на руки. По рукам сразу все понятно. Тетя Зина была такой же, как ее руки, — толстой злой сарделькой, которая могла говорить только о деньгах и своих болячках. А еще о том, какая она добрая и сердечная. Руки в это время теребили кольца. Тетка носила сразу четыре украшения — на одной руке кольца были надеты на один палец, получалась пирамидка. А у девочки, которая со мной говорила, были красивые руки. Я это сразу заметила. Длинные пальцы и маленькая ладонь.

Если честно, мне было все равно, куда идти, лишь бы побыстрее избавиться от тети Зины, которой я, по ее словам, должна быть благодарна. Мне не хотелось быть ей благодарной.

Едва мы сошли с перрона, к нам подскочила маленькая девочка, которая начала просить милостыню. Девочке на вид было лет шесть, но глаза — как у взрослой женщины. Настороженный взгляд. Она кинулась к тете Зине, повисла на ее ноге, как обезьянка, не давая ступить ни шагу.

Маша Трауб

●

— А ну, пошла вон, попрошайка, — отбрыкивалась от нее тетя Зина, — цыганка приставучая! Пошла вон, я сказала!

Девочка вцепилась в ногу женщине и не ослабляла хватку.

— Дайте ей что-нибудь, — попросила я тетю Зину. Девочка висела на теткиной ноге, но смотрела на меня. Мне показалось, что она даже улыбается.

— Вот еще! Этим только дай! — тетя Зина дернула ногой и наконец отпихнула девочку в сторону. Та схватилась за живот и скорчилась от боли.

— Зачем вы так? — закричала я. — Ей же больно! Дайте ей денег! У вас же есть!

— Будешь орать, оставлю тебя здесь. Пусть тебя цыгане заберут! Побираться научат! — рявкнула на меня тетя Зина.

Девочка, глядя на меня, погладила себя по голове — этот жест означал, что она меня жалеет. Тетка прикрикнула на нее, и девочка убежала. Я заплакала. В тот момент я бы предпочла убежать вместе с этой маленькой цыганкой, чем остаться с теткой.

Тетя Зина должна была отвезти меня к бабушке. Как сопровождающая. Мама никак не могла со мной поехать — у нее была командировка, и она заплатила тете Зине, чтобы та за мной присмотрела. В принципе, этой женщине было по дороге, да и денег мама дала ей много — тетка распахивала купюры по лифчику. У тети Зины в лифчике хранилось много ценностей, благо размер бюста позволял. Она прятала в декольте крестик на золотой цепочке, под левой грудью у нее лежали золотые сережки, под правой — документы и деньги. Если бы у тети Зины было такое

Наша девочка

желание, она бы и продукты в лифчик запихнула — мама выдала ей в дорогу палку салями и конфеты. Считалось, что для меня. Но моя сопровождающая за неполные трое суток, что мы провели в дороге, в одном купе, так и не нашла в себе моральных сил расстаться с колбасой и шоколадными конфетами.

— Ох, что твоя мать тебе дала? От конфет ты останешься без зубов, а колбаса детям вообще вредна. Только если не докторская, жареная. Если пожарить, тогда весь вред уйдет. Ты разве не знала?

При посторонних людях, особенно при проводнице, тетя Зина прижимала меня к своей необъятной груди и называла «сиротинушкой», которую ей подкинула судьба. Значит, так надо. Значит, она, Зина, должна обо мне позаботиться. Хоть и чужая тетя. Раз родные не могут, то что же — разве бросишь ребенка на произвол судьбы? Проводница и люди умилялись, называли тетю Зину святой и говорили, что сейчас мало таких женщин осталось — сердобольных, заботливых, честных. Про деньги, которые тетя Зина получила за свою сердобольность, она как-то не вспоминала. На вторые сутки я ее просто возненавидела. Наличность, которую мама выдала тетке на мое питание, она сэкономила. Я так мечтала хоть раз поесть из кастрюлек, которые приносили из вагона-ресторана. Они так вкусно пахли! Но тетя Зина покупала мне на станции пирожки и лимонад, продолжая считать себя святой.

— Я и мечтать о таком не могла в детстве, — повторяла она.

Чтобы не сидеть в купе и не слушать про тети-Зинину доброту, я болталась в коридоре, хлопала откид-

Маша Трауб

ными сиденьями, смотрела в окно. Проводница считала меня неблагодарной и капризной девицей. И все время делала замечания — то мешаю людям ходить, то обрываю занавески, то громко хлопаю сидушками, то надолго занимаю туалет. Последнее было правдой, а не придиркой — я закрывалась в туалете и плакала. Иногда я выходила в тамбур и перепрыгивала по гудящему и скользкому перекрытию в другой вагон. Туда-сюда. Мне было страшно до жути, но я продолжала перескакивать. Мысленно я представляла себе, как убегаю от тети Зины, и вспоминала книжки и фильмы, в которых герои лихо бегают по крышам вагонов, спрыгивают в траву, перекатываются по земле и остаются живыми и невредимыми. Мне хотелось так же — сбежать от этой мерзкой тетки, которая обманула мою маму и обманывает сейчас попутчиков. Мне хотелось выкрикнуть, что никакая она не святая, не добрая, а, наоборот, злая. И она обещала моей маме кормить меня в вагоне-ресторане. А вместо этого прикарманила, или, вернее сказать, пригрудила, наши с мамой деньги. Тетя Зина была жадной. Она заставляла меня допивать всю газировку и доедать уже засохшие пирожки.

— Вот как ты к еде относишься! — поучала меня тетка. — Кормишь тебя, поишь, заботишься, а что в ответ? Ты нос от еды воротишь! И сидишь с кислым лицом! Хотя бы спасибо сказала! Вот откуда такие дети берутся? А все потому, что их родителям нет до собственных детей никакого дела! Подбросят чужим и свободны! Пусть другие воспитывают!

Иногда я стояла напротив соседнего купе и наблюдала за людьми, которые лежат на полках, читают газе-

Наша девочка

ты. Мне давали то конфетку, то вареное яйцо, то ягоды, купленные на станции. Одна женщина угостила меня холодной куриной ножкой, которую я ела стоя, обгладывая косточку. И тетя Зина меня застучала за этим занятием. Как она кричала! Я хожу попрошайничаю, когда она с ног сбилась — чем меня накормить. И какая я дурная и мерзкая, раз так позорю ее перед чужими людьми. Тетя Зина рассказала женщине про то, что родная мать меня бросила, а она, Зина, везет «сироту» к бабушке. Взялась помочь и уже сколько дней не спит — волнуется. Ведь не свой, чужой ребенок, за которым глаз да глаз нужен. За своим столько смотреть не будешь, сколько за чужим. И она уже всякий покой потеряла. Все нервы я ей истрепала своим отвратительным поведением. Вон, и проводница подтвердит. Женщина сокрушенно кивала — да, бывают же такие матери.

Я хотела крикнуть, что моя мама меня не бросала, а тетя Зина — лгунья, но не смогла, промолчала. Еще я боялась, что если скажу что-то плохое, то тетя Зина вообще перестанет меня кормить. Или отвезет не к бабушке, а в другое место. И вообще высадит на ближайшей станции и бросит. Она все время грозила это сделать.

— Еще одна выходка, и я выкину тебя на станции, — говорила она, — и совесть моя будет чиста. Я на такое не подписывалась. Вот вместе с чемоданом тебя и выкину.

Мне нравилось лежать на верхней полке и смотреть в окно, а тетя Зина говорила, что я ногами поднимаю пыль, которая летит на стол с продуктами. Я лежала смиренно, не шелохнувшись, но тетка все равно кричала, что я напылила на помидоры или в чай.

Маша Трауб

●

К концу вторых суток — поезд до деревни, где жила моя бабушка, шел почти трое — тетя Зина уже не хотела быть святой. Она превратилась в страдалицу и жаловалась на жизнь. Она ехала к сыну, а вот вынуждена заниматься мной. И потеряет столько времени! А сын у нее такой замечательный, такой умный. Надежа и опора, не то что эти девчонки — выскочат замуж или в подоле принесут, вот и вся от них благодарность. А сын никогда мать не бросит. Только меня же нужно еще до бабки довести. Поди знай, сколько времени на меня еще уйдет.

Я уже вполне бойко перескакивала из вагона в вагон и много времени проводила в купе проводницы — помогала ей раскладывать билеты по ячейкам, пересчитывать белье и наливать чай. Проводница на вторые сутки поняла, что я хожу все время голодная, тетка врет напропалую, и сменила гнев на милость. Особенно после того, как увидела меня заплаканной, когда я выходила из туалета. Да и проводницу тетя Зина достала — обвиняла, что та за белье берет больше, чем надо, а сахара к чаю недокладывает. Уж она, Зина, точно знает — сколько уж ездит. Все проводницы одним миром мазаны — где могут, украдут. А если не украдут, так испортят. Вон, белье серое специально подкладывает, пододеяльник весь в пятнах. Из-за жадности тетка нажила себе врага. Она брала стакан чая, а заплатить хотела за два.

— Да подавись ты этим чаем, хабалка! — воскликнула проводница, забрала меня из коридора и поселила в своем купе. Мне нравился бойлер, который должен был быть всегда горячим, и нравилось, что

Наша девочка

у проводницы в купе можно смотреть в окно. Главное, что там не было тети Зины.

— Ох, бедная ты девочка. Где ж были глаза у твоей матери, что она тебя этой Зинке доверила? На вот, ешь. — Проводница выставляла передо мной маленькие кастрюльки из вагона-ресторана.

В свое купе я возвращалась поздно вечером, и тетя Зина немедленно принималась причитать — что я шляюсь по чужим купе и вырасту шалавой. Другого будущего у меня быть не может.

К концу нашего путешествия тетя Зина извела уже не только меня и проводницу, но и соседей по купе.

— А если ее никто не ждет? — причитала она. — А если адрес неверный? Что ж мне, на себя такую ответственность брать? Я не возьму! Нашли дурочку! Где мне там ее родственников искать? У меня поезд через два часа. Мне к сыну надо! Вот что за мать такая? Бросила ребенка и поминай как звали! Бумажку сунула и хвостом махнула. Еще вопрос, что там за командировка такая. Наверняка к мужику упорхнула, а дочку сплавила, чтобы под ногами не мешалась.

И тут я не выдержала. Двое с половиной суток я молчала и терпела из последних сил. Я смотрела в пол и заставляла себя молчать, не отвечать этой ведьме. А тетя Зина стала для меня настоящей ведьмой — злой и алчной.

— Не говорите так, — сказала я тихо.

— Что ты говоришь? — Тетя Зина не привыкла, чтобы я подавала голос.

— Не говорите так о моей маме, — повторила я.

Маша Трауб

— Вот нахалка малолетняя! Это ж где видано, чтобы за доброту так платили? — Тетя Зина пошла пятнами, ее большая грудь заколыхалась.

— Вы врете. А врать — плохо.

Попутчики, которые ехали с нами, молчали. Тетя Зина, к моему удивлению, не стала развивать тему, а тоже притихла, хотя внутри у нее все клокотало. Я боялась, что она меня из поезда выбросит, и такой реакции никак не ожидала. Оставшиеся часы мы провели в гробовом молчании, что было счастьем. На меня вдруг навалились апатия и усталость. Если первые сутки я все время плакала, прыгая между вагонами или запираясь в туалете, то сейчас даже плакать не могла. Вторые сутки мне было страшно — что со мной будет, куда меня везет тетя Зина? Сейчас и страх прошел, уступив место покорности судьбе. Я уже немного себя знала — что могу не есть, могу есть то, что мне не нравится, умею молчать, сдерживаться, умею общаться с другими людьми. Еще я поверила в судьбу. Ведь если бы судьба хотела, чтобы я умерла, она могла бы это сделать сто раз — когда я прыгала между вагонами. А вместо этого она послала мне проводницу, которая кормила меня супом и котлетами, и других добрых людей.

Наконец мы подъехали к нашей станции. Стоянка — две минуты. Тетя Зина за сорок минут до прибытия вытащила мой чемодан в проход и замерла с видом оскорбленной статуи.

— Иди, посиди у меня, — предложила мне проводница.

— Нет, пусть стоит, — грозно велела тетя Зина, и я вынуждена была подчиниться.

Наша девочка

Перед самой станцией проводница сунула мне в руки пакет. Судя по запаху, там была еда.

— Пусть тебя Бог хранит. — Она меня перекрестила и пошла по вагону объявлять остановку.

Не знаю, кто меня хранил тогда, но я была уверена, что мама.

Тетя Зина выбросила мой чемодан на перрон еще до того, как поезд остановился. Свою сумку она крепко прижимала к груди.

Мы спустились по ступенькам, и поезд почти тотчас же тронулся.

— Ну, и куда дальше? — Тетя Зина была раздражена. Ей больше не нужно было притворяться перед попутчиками. Она вглядывалась в бумажку, которую ей дала мама, — на листке был записан адрес. — И зачем я на это согласилась? Неблагодарная ты тварь. Позорила меня перед людьми. И мать твоя... вот молодец... нагуляла тебя... а потом скинула...

Я начала закипать. Мне тоже теперь не нужно было сдерживаться. Мы остались с тетей Зиной один на один.

— Наказание на мою голову... — причитала тетя Зина, оглядываясь по сторонам.

— За которое вы получили деньги, — ответила я.

— Да какие там деньги? Что ты такое говоришь? Вот ведь мерзавка! Да твоя мать три рубля на все про все выдала! — заверещала тетя Зина. — Да я все на тебя и потратила! Себе в убыток!

— Вы врете. Мама дала вам много. Я все ей расскажу, она вас найдет и сдаст в милицию за то, что вы деньги украли, — сказала твердо я.